

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080003970-4

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. [Рец. на:] Куценков А. А. Очерки гражданского общества Индии. Ч. I. М.: ИВ РАН, 2017 196 с.; Ч. II. Гражданское общество: организации и движения. М.: ИВ РАН, 2018, 280 с. Ч. III. «Суверенное право народа» и легитимность власти. М.: ИВРАН, 2018, 212 с. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 214–223. DOI: 10.31857/S086919080003970-4

For citation: Belokrenitsky V. Ya. [Review of:] Anatoliy A. Kutsenkov. Studies in Indian civil law. Part 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2017, 196 pp. Pt. 2. Civil society: organization and movements. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2018, 280 pp.; Pt. 3. “The sovereign right of the people” and the legitimacy of the authorities. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2018, 212 pp. *Vostok (Oriens)*. 2019. № 1. Pp. 214–223. DOI: 10.31857/S086919080003970-4

КУЦЕНКОВ А. А. ОЧЕРКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ИНДИИ. Ч. I. М.: ИВРАН, 2017, 196 с.; Ч. II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОРГАНИЗАЦИИ И ДВИЖЕНИЯ. М.: ИВ РАН, 2018, 280 с. Ч. III. «СУВЕРЕННОЕ ПРАВО НАРОДА» И ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ. М.: ИВ РАН, 2018, 212 с.

© 2019

В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8471-928X>, enitsky@yandex.ru

Появления всех трех частей Очерков пришлось ждать, пожалуй, слишком долго, учитывая, что обсуждение плановой монографии одного из самых заслуженных отечественных индологов, Анатолия Акимовича Куценкова, состоялось еще в 2015 г. Но сказались сложность темы, требовательность автора к себе и своей работе, некоторые технические и организационные накладки. Впрочем, время, которое прошло от обсуждения до выхода в свет обширной монографии (ее полный объем составляет около 40 п.л.), не было потрачено впустую. Автору удалось учесть высказанные замечания, уточнить отдельные положения и формулировки. Монография, без сомнения, вносит крупный вклад в нашу индологию и во всю востоковедную науку, поскольку позволяет рассмотреть во многом новую для нашего научного сообщества тему гражданского общества, привлечь внимание к значению и особенностям этого важного социального феномена.

Наибольший интерес у читателя, особенно неиндолога, вызывает первая часть Очерков, где автор обсуждает некоторые общие вопросы, связанные с модернизацией и становлением гражданского общества. Во вступительном разделе он касается, в частности, международно-политического значения институтов гражданского общества, сыгравших важную роль в свержении коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы, и отмечает, что, оценив это, правящие круги ведущих капиталистических стран бросили силы на поддержку общественных движений в «молодых демократиях», таких как Индия (ч. I, с. 5). Вызванное, в том числе этим обстоятельством, обилие исследований на данную тему, выполненных как на Западе, так и в самой Индии, выявляет, по мнению автора, «поразительную неразбериху» в терминах и понятиях. Автор предлагает свой краткий анализ огромной литературы по вопросу о гражданском обществе, показы-

вая глубокие, уходящие в античность корни этого явления, упоминает разработку вопроса о гражданском обществе как антагонисте государства Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо, а позднее А. де Токвилем. Классической он называет концепцию гражданского общества, утвердившуюся благодаря Г. В. Ф. Гегелю, который рассматривал его как «атрибут капитализма» (с. 6). По мнению немецкого философа, гражданское общество должно функционировать в рамках закона, т.е. под присмотром государства, и в то же время Гегель видел в нем «созидателя идеального государства» (ч. 1, с. 7). По мнению А. А. Куценкова, именно от такого не лишённого противоречий подхода великого ученого происходит множество современных интерпретаций.

Не хотелось бы в ограниченной по размеру рецензии излагать содержащийся во вступлении анализ исследований индийского гражданского общества (ГО), выполненный за последние десятилетия главным образом самими индийскими авторами. Достаточно указать, что автор полагает их принадлежащими двум направлениям – неоклассическому и неолиберальному. Первое из них опирается на отнесение к ГО «той части жизни», которая протекает между государством и семьей. Помимо умеренных взглядов на противоречия между негосударством и государством в рамках этого направления имеются крайние концепции, известные под названием «марксистские», а среди них – леворадикальные, выступающие за проведение социалистической революции и построение бесклассового общества (ч. 1, с. 9). Неолибералы, в отличие от неоклассиков, не видят разницы между политическим и гражданским обществом, рассматривая ГО как «совокупность элементов парламентской демократии». Не видят они и «разности интересов» гражданского общества и государства.

Автор образно связывает разницу между направлениями в оценке роли и значения ГО с тем, что для первых это понятие имя существительное, а для вторых – имя прилагательное. Для неолибералов главным является то, что негосударственные организации (НГО), образующие гражданское общество, обладают определенными качествами (атрибутами, прилагательными). Прежде всего это *добровольность*, для некоторых – непременный *альтруизм* и в то же время обязательная официальная регистрация. Для неолибералов ГО может быть только *хорошим*, без корыстолюбия, протестных настроений и насилия (ч. 1, с. 10).

Из весьма важных вступительных замечаний автора стоит выделить, пожалуй, еще одно, а именно стремление правящей элиты Индии принизить значение и политическую роль гражданского общества. Между тем при всем многообразии негосударственных организаций (автор справедливо предпочитает этот термин другому – неправительственным) и диаметрально порой отличающихся оценках эффективности сектора НГО сбрасывать со счетов само это явление нельзя. Идея гражданского общества в современных условиях, хоть и теряет, казалось бы, присущее ему немного ранее значение, не сходит на нет. Ибо развитие демократии, по убеждению автора, которое стоит поддержать, – общемировой процесс, и очень многим странам рано или поздно предстоит встать на этот путь (ч. 1, с. 12).

Квинтэссенция авторской позиции по вопросу о гражданском обществе в Индии изложена на одной странице. Она состоит в том, что такое общество – это продукт незавершенной капиталистической модернизации. Под модернизацией автор имеет в виду переход от докапиталистического патриархального общества к современному буржуазному. Незавершенность следует из того, что в Индии сохраняются пласты добуржуазных отношений, а характерная черта модернизационного процесса заключается в том, что он шел «сверху», по инициативе власти и носил во многом принудительный характер. Автор подчеркивает, что начался этот процесс при англичанах, хотя колонизаторы прямо не ставили перед собой такую задачу. Модернизация – это побочный продукт нововведений, которые «предпринимала британская администрация для упрочения своей власти»

(ч. 1, с. 23), а развитие ГО – результат (тоже, очевидно, побочный) привнесенной англичанами модернизации.

При известной неожиданности такого рода интерпретации (модернизацию можно было бы трактовать как прямой результат колониальной политики, поскольку без нее эксплуатация колонии была бы менее эффективной) она имеет интересное продолжение в ряду следующих логических умозаключений. Побочность модернизации имела следствием ее хаотичность и противоречивость. К одним из таких противоречивых нежелательных для англичан последствий относилось развитие национально-освободительного движения. Борьбу за освобождение страны от колониального ига возглавила «либерально-демократическая элита, взращенная колонизаторами как своя опора». И именно в ее руки англичане вынуждены были передать власть в 1947 г. (ч. 1, с. 23). После завоевания независимости задачу модернизации приняла на себя национальное государство. На первом этапе, при жизни первого руководителя страны Дж. Неру, модернизация имела демократическую направленность, при которой власть пыталась учесть интересы различных социальных групп. После смерти Неру в 1964 г. темпы демократических преобразований замедлились, доля социальных расходов и уравнивающая роль государства снизились, а с крупного капитала были сняты ограничения. Он вышел на внешний рынок благодаря проводимой под влиянием международных организаций политике либерализации. Внутренний рынок оказался при этом открыт для иностранных товаров (ч. 1, с. 25).

Можно было бы поспорить с автором относительно некоторых аспектов его анализа, но нельзя не согласиться с его утверждением, что буржуазные реформы принесли Индии немалые, но не бесспорные плоды. Так, доля граждан, живущих ниже черты бедности, сократилась, по официальным данным, более чем вдвое, хотя их количество осталось из-за демографического роста прежним, около 300 млн человек. И это только самые «щадящие» оценки бедности, по другим, которые приводятся в книге, бедными по международным стандартам оставались в начале 2000-х гг. 456 млн (42% жителей), или даже 724 млн (64%) (ч. 1, с. 25). Попытки решить проблему бедности, при неспособности решить ее до конца, сопровождалась ростом коррупции и произволом бюрократии. Политика государства, как утверждает автор, опираясь на мнения авторитетных индийских социологов, способствовала отчуждению между властью и народом, и стена отчуждения с годами становится все выше (ч. 1, с. 26).

Автор не считает свершившимся фактом превращение Индии в нацию-государство. Он ссылается на прессу, которая выражает беспокойство по поводу «здоровья» государственных институтов и надежду, что они в не очень отдаленном будущем преодолеют свои пороки и помогут, кардинально изменив жизнь людей, сплотить их в единую нацию (ч. 1, с. 26–27).

С приведенными А. А. Куценковым оценками, наверное, не согласятся многие индологи. Мне, однако, представляется важным привлечь внимание к этим его предваряющим основной текст работы утверждениям, поскольку они могут ускользнуть от внимания при ознакомлении с содержательным и многогранным исследованием.

Кроме того, не принимая их во внимание, трудно оценить в полной мере замысел автора. Ведь он, по-моему, сводится к тому, чтобы показать незавершенность модернизации и протекающую отсюда колоритную динамику становления гражданского общества Индии. Оба процесса связаны с преодолением ряда традиционных черт жизни общества, индийского социума. Не случайно первую главу, озаглавленную «тернии модернизации», автор начинает с рассмотрения судьбы традиционного комплекса. Не могу не процитировать при этом характеристику того, чем был этот комплекс в недавней еще истории. Индийское докапиталистическое общество, пишет автор, «представляло собой уникальную, глубоко интегрированную и по-своему очень гармоничную систему. В ней

производство и распределение, социальная организация и социальные отношения, мировоззрение и нормы поведения, личность и коллектив представляли прочный сплав, нерасторжимое целое. В то же время она была достаточно гибкой и адаптивной, чтобы держать удары внешних воздействий и оставаться самой собой при любых обстоятельствах» (ч. 1, с. 27).

А. А. Куценков предлагает нам представить культуру во времени в виде двух концентрических кругов, внутреннего – Цивилизационного ядра, и внешнего – Формационной периферии. ЦЯ составляет основу культуры, делает ее «индийской», «китайской», «арабской» и т.д., а ФП – «возникает, развивается и отмирает на различных этапах социально-экономического и социально-культурного развития» (ч. 1, с. 27). Замечу, эти представления автора, согласно которым формация и цивилизация как бы меняются местами, позволяют иначе взглянуть и на модернизацию, которая видится как бы уже не основным, а второстепенным явлением. Они в то же время позволяют автору оттенить непреходящую ценность и устойчивость традиционного комплекса.

Стоит указать и на то, что ЦЯ индийской культуры автор понимает как синтез индуизма с другими религиозными традициями. В ее основе лежит вера в бессмертие души. «Рядовой индеец верит в то, что все сущее пронизано божественной субстанцией, что во всем заключена душа. Она бессмертна. Со смертью “носителя” она переселяется в другое тело. Поэтому живущие ныне – это *инкарнации* (курсив А. К.) тех, кто жил на земле ранее и чьи душевные качества они унаследовали» (ч. 1, с. 28).

Емко характеризуя глубинную неизменность массовой культуры, автор подчеркивает, что общественное сознание, как правило, пользуется не всеми ценностями ЦЯ, а «лишь теми, которые вписываются в современный социально-политический контекст» (ч. 1, с. 29).

Среди основных свойств индийской культуры автор выделяет понятия касты, родства и общинности. При этом базой традиционного общества была соседская община, структура, как пишет автор, композитная, состоящая из «каст, религиозных, племенных групп, которые сами представляли структуры общинного типа» (ч. 1, с. 31–32). Ссылаясь на некоторые классические индологические работы и, к сожалению, не упоминая свой собственный фундаментальный труд по индийской касте¹, автор дает выверенную характеристику соседской общины, системы *джаджмани*, степени замкнутости и открытости общин в разных районах Индии, организации ее внутренней жизни и т.д.

Интерес вызывает разоблачение автором некоторых «мифов об общине», встречающихся на страницах ряда индологических работ. Первый из них – это представление об общине как о кастовой. «Ошибка здесь в том, что выражение «каста» по умолчанию связывают только с индусской общиной. Однако каста – универсальная структура. Она существует для всех религиозных общин – мусульман, христиан, иудеев, буддистов, сикхов и т.д.» (ч. 1, с. 34). В межгрупповом обмене в Индии участвовали все группы традиционного общества – собственно касты, а также неиндусские религиозные сообщества, племенные образования, соседства (мохалла) и др. «Они выполняли функции каст, но кастами не были» (ч. 1, с. 34–35).

Другой миф, на который указывает автор, связан с представлением о консерватизме общин и их неспособности к саморазвитию. На самом деле община могла вбирать в себя новые профессиональные группы, новые касты и отвечать тем самым на возникающие потребности, не чиня препятствий новациям и изобретениям (ч. 1, с. 35).

Не очень настаивая на разоблачении мифа о толерантности общины, который уже порядком поизносился, автор оттеняет любопытное наблюдение относительно индивиду-

¹ Куценков А. А. Эволюция индийской касты. М.: Восточная литература. 1983. [Kutsenkov A. A. Evoljutsiya indijskoj kasty. Evolution of the Indian Caste. Moscow: Vostochnaya literatura, 1983].

альных свойств ее членов, проистекающих из того, что община контролировала «действия, но не мысли человека» и не мешала развитию его умственных и психических способностей (ч. 1, с. 35).

Автор достаточно высоко оценил некоторые базовые черты традиционного комплекса и отметил, что его разрушение в колониальный и постколониальный периоды было далеко не полным. Вместе с тем, замечает он, по сельской общине был нанесен мощный удар и земельно-налоговыми нововведениями англичан, и реформами национального индийского государства. В результате из системы землевладения вымыло аристократию кастового общества, «одну из скреп системы джаджмани». Относительно крупное землевладение осталось, поскольку потолки владения землей оказались достаточно высокими, а изъятия и оговорки в законодательстве штатов позволили владельцам «расписать» землю на членов семьи, родственников и доверенных лиц. Ограничение размера арендной платы, призванное облегчить участь арендаторов, привело к обратному результату. Под угрозой сгона арендаторы соглашались на кабальные неформальные отношения с владельцами земли. Конечным итогом аграрных преобразований для крестьян стало дальнейшее измельчание их участков до уровня, при котором большинство земледельцев не может вести рентабельное хозяйство (ч. 1, с. 36–38).

Как отмечает далее А. А. Куценков, об уровне капиталистического развития индийского общества принято судить по масштабам наемного труда. Согласно общеиндийским данным на 2004–2005 г., наемные работники и работодатели составляли почти половину (44%) самостоятельного населения. Но только около 30% наемных работников были заняты в организованном (формальном) секторе, состоящем из государственных учреждений и заведений, а также крупных (свыше 10 занятых) частных предприятий. На госсектор при этом приходилось вдвое больше наемных работников. Свыше 70% занятых по найму находили работу в неформальном секторе, преимущественно в мельчайших (микроскопических) и мелких заведениях, а также на временной и сезонной основе. По данным выборочного обследования 2011–2012 г., 79% рабочих неформального сектора не имели договоров с хозяевами предприятий, причем доля таких рабочих по сравнению с обследованием 2004–2005 г. выросла и в сельской местности, и в городах (ч. 1, с. 40–42).

С позиций неполного распада традиционного комплекса А. А. Куценков начинает анализ социальных групп и классов современной Индии. Согласно его образному выражению, капитализм, «бомбардируя большую общину», как бы сдирает с нее внешнюю оболочку, позволяя ей удерживать свою общинно-кастовую начинку (ч. 1, с. 44). Нет места приводить здесь подробности тонкого авторского анализа этой «начинки». Кроме того, интерес вызывают пассажи о формировании современных классов – бюрократии, среднего класса, старого и нового. Хотелось бы особо отметить утверждение автора, которое как бы соединяет прежние и нынешние социальные реалии. Он пишет, что «структуры, основанные на родственно-общинной и социально-классовой связи, существуют в Индии на одном социокультурном поле. Они располагаются даже не рядом, а “одна в одной” – классовые внутри общинных и общинные внутри классовых. При этом родственно-общинная связь является доминирующей» (ч. 1, с. 70–71).

Переходя во второй главе к вопросу о становлении гражданского общества, А. А. Куценков подчеркивает, что оно, как и в любой стране, «является частью социума, но не его копией» (ч. 1, с. 81). К нему относится только социально активная часть населения, т. е. те «граждане, которые в индивидуальном качестве, или как члены организованных групп, участвуют в общественно-политической жизни». Не вызывает удивления, что наиболее активной частью этого общества предстают средние классы, работники организованного сектора. Занятые в неорганизованном (неформальном) секторе «только пробуждаются» к общественной жизни. Развивая выдвинутое ранее положение о становле-

нии гражданского общества «сверху», автор пишет, что на протяжении всей своей истории оно «находилось под опекой то государства, то политических партий, то зарубежных доноров, а то и всех их вместе взятых» (ч. 1, с. 81).

Вместе с тем он отмечает появление еще в колониальное время индийских общественных структур «снизу». При этом он полагает, что оно стало реакцией кастового общества на процессы социальной мобильности, ускорившиеся под влиянием капиталистической модернизации (ч. 1, с. 82–83). Привлекая внимание к созданию кастовых ассоциаций, А. А. Куценков отмечает, что бум их формирования пришелся на 1920–1930-е гг., но продолжался и в независимый период, ускорившись с 1980-х гг. (ч. 1, с. 84).

Очерк истории нарастающего усиления гражданской и политической активности в Индии включает рассказ о деятельности первых британцев, вносивших в местное общество идеи равенства, прав человека и гражданина, и о видных индийских общественных и политических деятелях – Б. М. Амбедкаре, Г. К. Гокхале, М. К. Ганди. Дело Махатмы Ганди продолжили уже в независимый период Виноба Бхаве и Джайпракаш Нараян (ч. 1, с. 90–94). Под влиянием идей и деятельности этих и других выдающихся личностей, таких как Дж. Неру, сложились исключительно сильный патриотический дух антиколониальных движений и такие черты гражданственности, как добровольчество, самоотверженность, гуманизм, а также ее направленность против проявлений авторитаризма.

Анализируя гражданское общество современной Индии, А. А. Куценков обращает внимание на его массовость и неоднородность. Специальный параграф он посвящает проблемам классификации, течениям «массовым» и «народным». Как это часто бывает в Индии, не без иронии замечает автор, сами по себе эти термины ни о чем не говорят, так как и в тех, и в других участвуют народные массы. Но «массовые» организации и движения аффилированы с какой-то другой структурой или подчинены ей, а «народные» – независимы, сами определяют направления деятельности и отношение к общественно-политическим явлениям (ч. 1, с. 115).

Главный канал аффилиации, как следует из другой части работы, это подчиненность государству и политическим организациям. В ином положении находятся организации традиционного типа – кастовые, клановые, общинные и т.п. (ч. 1, с. 96). Они могут быть тоже не вполне самостоятельными, ассоциированными, но их зависимость от государства состоит лишь в соблюдении закона. Такого рода дуализм, как отмечает автор, особенно хорошо просматривается на местном уровне, где сосуществуют официальные и неофициальные центры власти и влияния. К числу неофициальных относятся в первую очередь традиционные органы самоуправления – *панчаяты-кхалы*. Попытка национального государства заменить их новыми панчаятами во многих штатах Индии не удалась. Отступив на время, кхалы постепенно возродились и, во многом дублируя официальные местные органы, строго следят за соблюдением брачных обычаев, поддерживают в деревне законность и порядок, руководят храмовой деятельностью, оказывают материальную помощь беднякам, вдовам. Участвуют они и в строительстве медпунктов и ветеринарных клиник. Кхалы обычно поддерживает землевладельческая верхушка. Новые панчаяты представляют модернизирующее начало, а традиционные – консервативное (ч. 1, с. 96–97).

Между формальными и неформальными центрами власти нередко возникают конфликты. Хорошо известен конфликт между законом и обычаем по поводу *самосожжения вдов*. Хотя эти случаи, можно сказать, единичны (27 в самом «благородном» штате Раджастан за 1947–1987 гг.), они поощряются консервативными кругами и скрываются от государства и гражданского общества (ч. 1, с. 97–98).

Помимо двух параллельно существующих легальных систем ГО (оппонирующих государству и поддерживающих его) существует и третья – нелегальная, распадающаяся

на два подтипа. К первому относятся движения партизанского типа (этнонациональные и леворадикальные), ко второму – чисто криминальные. Замечу, что отнесение нелегальной системы к гражданскому обществу возможно лишь с позиции вышеупомянутого неоклассического подхода. С неолиберальной точки зрения они не принадлежат ГО, находясь, как отмечает автор, «по ту сторону» и закона, и обычая (ч. 1, с. 99).

Третья глава первой части работы А. А. Куценкова называется «Между коммунализмом и секуляризмом». Коммунализм буквально означает общинность, но в Индии его привыкли употреблять как синоним ксенофобии и к тому же как вражду между религиозными общинами. Для конфликтов между кастами используется термин *кастеизм*. Существует, как подчеркивает автор, и много других видов коммунализма и множество его форм – от бытовых до политических (ч. 1, с. 136–137). И в недавнем историческом прошлом, и в современной Индии коммунализм распространен широко. Автор не заостряет внимания на одном из главных его проявлений – конфликте между индусами и мусульманами, считая, видимо, эту проблему особой и заслуживающей специального рассмотрения. Впрочем, он не проходит мимо получившего громкую известность кровавого индусско-мусульманского конфликта в штате Гуджарат в 2002 г., уделяя ему внимание в ряду других примеров коммунализма и межобщинных столкновений (с. 180–182).

Что касается секуляризма, то и здесь главное внимание А. А. Куценков обращает лишь на его специфику, в частности на его отличие от западного понимания, где секуляризм выступает как мировоззрение. В Индии, пишет он, секуляризм это «набор принципов и политических инструментов в руках государства». Население может оставаться сколь угодно религиозным, а государство светским, т. е. проводить политику в интересах всего общества (ч. 1, с. 146). Автор указывает на расхождения между провозглашаемыми ценностями секуляризма, закрепленными в Конституции, и «клубком проблем и противоречий в реальной действительности» (ч. 1, с. 147). Подчеркивая политическую компромиссность индийской светскости, он указывает на то, что она находится в постоянном поиске баланса между интересами различных общин. Автор сравнивает секуляризм по-индийски с ручным управлением сложным техническим устройством и, соглашаясь, приводит слова индийского социолога Р. Бхаргава: «В попытке свести воедино внешне несовместимые ценности заключается одна из великих сил индийского секуляризма» (ч. 1, с. 148).

Значительный интерес вызывает также трактовка автором вопроса о «позитивной дискриминации». Под ней имеется в виду «помощь государства самым забытым и бесправным слоям общества – неприкасаемым кастам и племенам, известным как «аварна», угнетенные классы или далиты» (ч. 1, с. 149). Формирование такого рода теории и практики проходило под непосредственным влиянием гражданского общества и зародилось еще в колониальное время, когда индийская элита почувствовала коллективную вину за деградацию низов, а также желание улучшить их положение. С принятием Конституции в 1950 г. «позитивная дискриминация» стала важнейшей частью идеологии и политики национального государства. В соответствии с ней так называемым зарегистрированным кастам (ЗК) и зарегистрированным племенам (ЗП) предоставлялись квоты для получения образования и работы в государственных органах. В 1953 г. была создана первая комиссия по отсталым классам во главе с видным гандистом К. Калелкаром. В 1979 г. правительство, не удовлетворенное всеми выводами комиссии, сформировало новую во главе с Б. П. Мандалом. В соответствии с ее заключениями появилась новая широкая категория – прочие отсталые классы (ПОК), которым предлагалось предоставить льготы в ущерб другим кастам и классам общества. Доклад комиссии, опубликованный в 1980 г., разделил индийское общественное мнение, а когда спустя 10 лет правительство В. П. Сингха начало проводить его рекомендации в жизнь, по стране прокатилась волна самосожжений, кастовых беспорядков и погромов (ч. 1, с. 157). Реакция общества заста-

вила государство отказаться от признания доклада комиссии Мандала как программного документа, но в практической области его рекомендации учитывались. Тем более что вопрос о «позитивной дискриминации» отдан на усмотрение штатов. Наибольшие успехи в плане повышения статуса отсталых групп населения отмечены в южных штатах – Тамилнаду, Карнатаке, Ориссе, Керале (ч. 1, с. 158).

Важнейшим следствием работы комиссии Мандала стала, как отмечается в книге, прогрессирующая «кастеизация» общественно-политической жизни (ч. 1, с. 159). Политика льгот спланировала одни общины и дробила другие. Избирательный характер их применения, интересы бюрократии способствовали сохранению монополии высших каст в государственном секторе. Вместе с тем определенные изменения статуса и привилегий произошли. Значительно проиграла брахманы (56 млн., по переписи 2001 г.), реагирующие на это крайне болезненно. Одновременно усилилась дифференциация брахманских каст. В то же время представители «прочих отсталых классов» получили возможность добиться успеха в общественной, политической и экономической жизни. Но в целом, как следует из книги, «позитивная дискриминация» помогает лишь ослабить, но не устранить реальную дискриминацию, которая распространяется не только на низшие слои индусов, но и на представителей других религиозных общин, прежде всего мусульман, составляющих не менее 14% индийского населения. Доклад специально созданной для изучения положения мусульман комиссии Р. Сачара был опубликован в 2006 г. и содержал неутешительные выводы (ч. 1, с. 157–158).

Вторая часть многоаспектного труда А. А. Куценкова состоит из пяти глав – адиваси (т. е. племена) на пути в «основной поток»; женщины против патриархата; хиндутва – претензии на власть; профсоюзы в силках политического унионизма; правозащитные движения. Наибольший интерес вызывает третья глава, посвященная хиндутве (дословно – индусскости, от *хинду* – индус), идеологии и практики «индусского национализма», опирающегося на представления о мифическом «золотом веке» Индии, об изначальных этических и религиозных ценностях индуизма (ч. II, с. 133). Такой интерес связан, безусловно, с превращением в наше время олицетворяющей хиндутву в политике Бхаратия джаната парти (БДП; Индийской народной партии) в одну из двух, наряду с Индийским национальным конгрессом, основных общенациональных парламентско-политических сил.

В главе прослеживаются истоки хиндутвы, живо и ярко нарисованы портреты ее основателей – В. Д. Саваркара, К. Р. Хедгевара, М. С. Голваркара, охарактеризованы особенности организационного лидера движения – Раштрия сваямсевак сангх (Союз служителей страны; основан в 1925 г.) и сложившейся главным образом в годы независимости вокруг Союза «семьи организаций» (Сангх паривар). Автор замечает, что точный состав «семьи» известен только руководству Союза, поскольку вся его деятельность скрыта от посторонних глаз. В то же время наиболее крупные организации Сангха широко известны и действуют в различных сферах.

Как отмечает автор, Бхаратия джаната парти формально не вошла в Сангх паривар. Созданная в 1980 г. она старалась не афишировать и свою идеологическую близость к семье Сангха. Однако программа и устав партии «ни у кого не оставляют сомнения в том, что БДП является политическим крылом РСС» (ч. II, с. 157–158). Содержащийся в книге рассказ о сначала медленном, а затем все более быстром росте популярности БДП, ее приходе к управлению страной не содержит большой дополнительной информации для тех, кто следит за политической историей Индии последних десятилетий. Ограничивает восприятие современной роли БДП то, что анализ заканчивается по большей части на 2014 г., когда в результате 16-х всеобщих выборов она вновь стала правящей силой и обрела в лице Нарендра Моди бесспорного национального лидера. При всем критическом отношении автора к индусскому национализму и указании на кризисные явления,

которые свойственны этому движению, он, по всей видимости, справедливо завершает главу фразой о том, что «хиндутва утвердилась в Индии всерьез и надолго» (ч. II, с. 175).

Третья часть Очерков посвящена политической активности населения и системе индийского парламентаризма. Она состоит из трех глав – электорат; партии и политики; выборы – момент истины. Гражданское общество характеризуется в этой части книги как политическое, проявляющее себя через участие в выборах в законодательные органы власти в центре и штатах. Из большого числа интересных проблем, затронутых в ней, мне бы хотелось выделить тему харизмы. А. А. Куценков справедливо обращает внимание на этот феномен веры в дар, ниспосланный свыше, в таинственную силу, которой обладают избранные. Не нужно забывать, отмечается в книге, что большинство индийского населения живет еще в патриархальном мире, «оно ждет своего героя, нуждается в нем. А спрос, как известно, рождает предложение» (ч. III, с. 22). При этом предложение появляется не само по себе. Политический класс современной Индии, подмечает автор, в полной мере овладел искусством создания харизмы, а ее производство превратилось в большой процветающий бизнес (ч. III, с. 25).

Нет возможности здесь приводить яркие рассуждения автора о подлинной и «наведенной» харизме, о ее религиозных и светских вариантах. Желающие могут ознакомиться с этим любопытным сюжетом, проиллюстрированным примерами из недавней истории и современной индийской жизни (ч. III, с. 20–31). Не все, но большинство этих примеров касаются политики. Важно вместе с тем вслед за автором подчеркнуть, что происходящий в период независимости неуклонный рост грамотности населения и рационализация общественного сознания снижают роль харизмы (ч. III, с. 32). Рациональные мотивы, как показывают специальные социологические исследования, проведенные накануне выборов 2004 г., берут верх над иррациональными. (ч. III, с. 34–43).

В то же время «многослойность и дискретность» индийского общества, наличие социальных и культурных перепадов и различий между регионами не позволяют, судя по всему, говорить о вполне сформировавшейся тенденции. Харизма такого деятеля, как Н. Моди, существенно отразилась на итогах выборов 2014 г. и скажется, вероятно, и на предстоящих в 2019 г. 17-х парламентских выборах. Между тем «культ харизмы», как верно утверждает автор, ставит общество в неравноправное положение по отношению к государству и порождает вождизм (ч. III, с. 31). Иными словами, он придает власти персоналистский характер, усиливает возможности для спонтанных и бесконтрольных решений.

Заключительный раздел к третьей части и всей монографии производит более бравурное впечатление, чем содержание большинства ее глав и разделов. В этом отражается, как мне кажется, традиционный для нашей науки настрой на неизбежную победу прогресса во всех областях общественной жизни. Нет сомнения, что гражданское общество в Индии сделало в независимый период большой шаг вперед по сравнению с колониальным временем, когда оно возникло в ходе антиколониальной борьбы. Индия в целом добилась впечатляющих успехов в экономике, политике, науке и культуре. Вместе с тем книга А. А. Куценкова показывает незавершенность многих позитивных процессов, сохранение разнообразных проблем и изъянов, прочное сочетание родственно-общинных и социально-классовых начал.

Поражает, в частности, то, что индуизм с его кастовой системой окрашивает в свои тона почти все общественное пространство. Злую шутку сыграла «прогрессирующая кастеизация» с мусульманской общиной Индии. Община превратилась в подобие отдельной касты или кастового конгломерата, находящегося в социальном плане где-то между прочими отсталыми классами и зарегистрированными кастами и племенами (таковы выводы упомянутой выше комиссии Сачара). От былого заметного присутствия мусульман

в политической элите Индии остались лишь воспоминания, практически на нет сведено влияние мусульманских политических партий в парламенте.

В заключение несколько предложений в связи с проделанным А. А. Куценковым глубоким фундированным исследованием одной из ключевых тем для понимания современной Индии. Представляется, что три части книги желательно свести в единый том и переиздать, устранив некоторые редакционные и наборные погрешности, замеченные, кстати, автором, который поместил во второй части книги исправления отдельных неточностей в тексте первой. Не обязательно, на мой взгляд, и называть работу «очерки», поскольку она дает весьма полное и системное представление о гражданском обществе Индии, сложившемся к середине 2010-х гг. Нужно также иметь в виду еще два обстоятельства – первое, это афористичность стиля автора, образность языка, которая привлекает к книге внимание взыскательного читателя, второе, не менее важное, состоит в том, что новое издание дало бы возможность еще раз сравнить развитие Индии, ее демократии, с процессами в других государствах Востока. Хотя автор и не затрагивает напрямую этот аспект, ознакомление с его работой приводит к мысли, что индийское гражданское общество отличается огромный, накопленный десятилетиями потенциал, существенная и возрастающая степень воздействия на политику государства. По этим параметрам Индии нет равных на сегодня не только среди иных стран – бывших колоний, но и на всем пространстве развивающегося мира.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.	Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY – Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.
--	---